

«Черновик чувств»

В этом году исполнилось бы 75 лет со дня рождения Аркадия Викторовича Белинкова — личности в отечественной культуре поистине уникальной.

Талантливый литературовед, критик, яркий писатель, человек, проведший в тюрьмах и лагерях более 12 лет и умерший в возрасте 49 лет в эмиграции в США в 1970 году, вновь вернулся к нам. Вернулся своим юношеским романом «Черновик чувств», написанным как дипломная работа студента Литературного института, той самой книгой, которая стала причиной его многолетнего скитания по архипелагу ГУЛАГ. Книга долгое время считалась утраченной. Лишь в 1995 году вдова писателя Наталия Белинкова-Яблокова смогла получить из архивов ФСБ рукопись «Черновика» и ряда других произведений, написанных уже в лагере. И вот «Черновик чувств» только что издан частным издательством «Александр Севастьянов» тиражом 1000 экземпляров.

Кстати, именно под таким названием — «Черновик чувств» — состоялся в переполненном Малом зале Клуба писателей (он же ЦДЛ) вечер памяти Аркадия Белинкова. Ведущий — литературный критик Бенедикт Сарнов подчеркнул, что все происходящее в этот вечер можно считать «доподлинным чудом», и в первую очередь возвращение из небытия «Черновика чувств». Смелость этой книги, считает Сарнов, была не столько гражданской, сколько эстетической. Притча о двух влюбленных, живущих вне какой-либо общественной системы, тем более социалистической, написанная к тому же в годы Великой Отечественной войны, настолько выпадала из общего контекста тогдашней литературы соцреализма, что была воспринята как неслыханная дерзость. И хотя в книге не было ничего антисоветского, в ней не было и ничего советского. В январе 1944 года Аркадий был арестован (роман, несколько стихотворений, литературный кружок, который он вел в Литинституте, прошли по разряду «антисоветской деятельности»), осужден на 8 лет и отправлен в лагерь под Караганду. Сарнов особо отметил исключительное мужество и стойкость этого болезненного, с детства страдавшего тяжелой формой ревматоидита человека. Он привел отрывки из протоколов допроса Белинкова: тот ни в чем не признавался, не каялся, никого не «заложил».

По болезни Белинкова невозможно было использовать на общих работах. Аркадий выполнял обязанности то режиссера лагерного театра, то фельдшера, что давало ему возможность тайно писать. И вот тут-то он уже становится антисоветчиком в прямом смысле этого слова. Его рассказ «Человечье мясо» (Нью-Йорк, журнал «Время и мы», № 114, 1996), неопубликованная пока нигде пьеса «Роль труда в процессе превращения человека в обезьяну» («Труд» в данном контексте — это «Краткий курс истории ВКП (б)») — уже сами названия этих произведений говорят о резком неприятии автором советского режима.

Написанные в 1951 году, в последний год отбытия срока, эти рукописи тогда же и были обнаружены, и Белинкову тут же добавили еще 25 лет («за подготовку террористического акта») и направили в лагерь строгого режима в Спасск. Только 1956 год принес ему освобождение и возвращение в Москву. А Белинков восстановлен в Литинституте, который он заканчивает экстерном, здесь же знакомится со своей будущей женой. Об этом и

многом другом говорила в тот вечер Наталия Белинкова-Яблокова. В том числе и о литературоведческих книгах ее мужа, написанных в 60-х годах и сразу же ставших знаменитыми. Книга «Юрий Тынянов», этот своего рода «литературоведческий роман», дважды — в 1960 и 1965 годах — выходит в издательстве «Советский писатель». По замыслу автора, он должен был стать первой частью трилогии о разных типах отношений художника к власти в тоталитарном государстве: один лоялен, другой сдается и губит свой талант, третий сопротивляется и сохраняет его. Но у второй части трилогии «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша» была уже совсем иная судьба. Ведь в качестве «отрицательного примера» был избран не литературный конформист, а талантливый писатель, наступивший, по мнению Белинкова, «на горло собственной песне». Чудом отдельные главы из этой книги под заголовком «Поэт и толстяк» были опубликованы в 1968 году в журнале «Байкал». Эта публикация вызвала ярость властей — «Литературная газета» подвергла Белинкова разгрому в лучших традициях разносов Зоценко, Ахматовой, Пастернака. Кстати, героем заключительной части трилогии была первоначально избрана Анна Ахматова. И Белинков уже начал писать эту книгу — «Победа (вариант: «Судьба») Анны Ахматовой», но, написав чуть более ста страниц, оставил свой замысел, решив завершить трилогию рассказом о человеке более близкой ему судьбы — Александре Солженицыне. Но и эту книгу, которую он назвал «Судьба и книги Александра Солженицына», работа над которой началась еще в Москве и продолжалась в эмиграции, он не завершил. Частично фрагменты книги об Ахматовой были опубликованы за рубежом (сб. «Новый колокол», Лондон, 1972, и в русскоязычном журнале «Грани», № 136, 1985, Франкфурт-на-Майне). Что же касается книги об Олеше, то она была полностью опубликована в 1975 году посмертно в Мадриде. Второе издание, несколько сокращенное, ожидается уже на родине в издательстве «Культура».

Публикация в «Байкале», которая стала последним прижизненным легальным прорывом Белинкова к отечественному читателю, шокировала не только власти. Она вызвала замешательство и у многих либералов-шестидесятников, несогласных со столь резкой оценкой Ю. Олеша. Но Белинков был неумолим. Он был, отметил драматург Леонид Зорин, человеком «прямого текста». Его кумирами были Ра-

дифев, декабристы. В нем был очень силен заряд мессианства — он считал своей сверхзадачей сокрушить советский режим. Покидая страну, он сознательно шел на «поворот своей судьбы» и прошел свой крестный путь до конца.

Неординарность, яркость личности Белинкова отмечали, пожалуй, все, выступавшие в тот вечер. Говорили об этом и писательница Лидия Либединская, и поэт и публицист Платон Набоков — они были членами кружка Белинкова в Литинституте и слушали «Черновик чувств» в авторском чтении. Этот человек с поразительной точностью предсказал сразу же после смещения Хрущева конец «оттепели», отметил публицист Владимир Кардин. Хотя, как считает литературный критик Галина Беляя, «оттепель» для Белинкова кончилась уже в ноябре 1956 года, когда советские танки ворвались в Будапешт. «Человеком, в котором пульсировал бешеный темперамент» назвал Белинкова известный критик и публицист Станислав Лесневский. Но, наверное, самым примечательным был «мемуарный фрагмент» писателя Даниила Данина, рассказавшего об одной из встреч с Белинковым. «Я листовочник! — кричал в испуге Аркадий. — Я уничтожу Олешу, Каверина, Шкловского. Я буду уничтожать нашу интеллигенцию-потаскуху!» И словно почувствовав, что вспомнил слишком «резко», Данин добавил: «Надо быть великодушным к людям с трагической судьбой».

Этот эпизод, пожалуй, наиболее ярко высвечивает доминанту личности Аркадия Белинкова. Имя этой доминанты — ненависть. И эта трагедия ненавидящего, не знающего компромиссов человека нашла свое логическое завершение в короткой — двухлетней — период его эмиграции. Попросив в мае 1968 года политического убежища на Западе, Белинков со всем своим «бешеным темпераментом» начинает обличать советский режим. Он основывает журнал «Новый колокол» (впоследствии вышедший в свет как одноименный сборник, посвященный его памяти), вступает в члены ПЕН-клуба, выступает по радио «Свобода», читает лекции в лучших университетах Америки, которые, как вспоминает Наталия Белинкова, проходят с успехом, однако «создают ему репутацию человека, излишне резко относящегося к советскому режиму». И вот он уже пишет открытое письмо в ПЕН-клуб, обличая западную либеральную интеллигенцию за идеологическую поддержку советской системы — это письмо получило в СССР широкое хождение в самиздате.

Произошло самое страшное и для Белинкова непостижимое — Запад его «не принял». Как писала литературовед Раиса Орлова (она недавно умерла в эмиграции), «Аркадий Белинков был человеком редкой душевной силы. Он все перенес... а разочарования в Западе он не пережил».

И все же главное для нас сегодня — вернуть Белинкова отечественному читателю. «Надо издать полное собрание сочинений Аркадия Белинкова на родине», — эти слова, сказанные на вечер его памяти Галиной Белой, были встречены горячими аплодисментами. Это тем более правильно, что весь небольшой тираж «Черновика чувств» издатель любезно уступил вдове Аркадия Белинкова по себестоимости.

Леонид ТЕРЕХОВ.